

ПАТРОЛОГИЯ

А. Небольсин

ИЗРЕЧЕНИЯ СЕКСТА – ПАМЯТНИК РАННЕЙ
ХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Впервые публикуемые на русском языке «Изречения Секста» являются одним из самых любопытных и загадочных творений христианской письменности конца II – начала III вв. Они ставят перед читателем и исследователем ряд вопросов, на которые до сегодняшнего дня крупными учеными даются противоположные ответы. Главные из проблем: кто такой Секст, которому приписаны изречения, и является ли данный памятник христианским? Каков бы ни был ответ на второй вопрос, бесспорно одно: на протяжении веков «Изречения Секста» читались христианами разных стран на разных языках, о чем свидетельствуют рукописная традиция и ссылки на «Изречения» в церковной литературе.

Оригинальный греческий текст в полном виде стал известен только в конце XIX века. В 1876 году знаменитый исследователь древней Церкви аббат Л. Дюшен нашел в монастыре святого Иоанна на Патмосе греческую рукопись «Изречений» X века². В декабре 1880 года немецкий ученый А. Эльтер обнаружил в Ватиканской библиотеке «Изречения» в

¹ Предлагаемая вниманию читателей статья А. Небольсина и его перевод изречений Секста представляет собой уточненный и доработанный вариант публикации, уже осуществленной ее автором на страницах «Ученых Записок» Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова (Выпуск 3. М., 1988). Учитывая, что внесенные автором в текст изменения представляются редакции «Богословского Сборника» существенными, мы сочли необходимым его повторное опубликование. — *Ред.*

² Archives des Missions Scientifiques, 3. Sère, t. III (1876), p. 440.

греческой рукописи XIV века. До открытия этих манускриптов наш памятник был известен, главным образом, благодаря латинскому переводу Руфина, который появился в конце IV века и сохранился в более чем десяти рукописях, самая древняя из которых относится к VII—VIII векам. Три издания в XVI веке основывались на утерянных ныне манускриптах.

Известен также весьма древний сирийский перевод «Изречений», сохранившийся во многих рукописях, находящихся в своем большинстве в Британском музее; две древнейшие из них относятся к VI веку. Строго говоря, есть два независимых друг от друга сирийских перевода, слитых в рукописной традиции. Сирийский перевод упомянут в изданном Ассемани каталоге сирийской литературы Абдишо¹.

Существует и армянский перевод, в котором «Изречения Секста» перемешаны с афоризмами Евагрия Понтийского. В 1938 году Р. Херманн показал, что армянский перевод выполнен непосредственно с греческого оригинала, а не сирийского перевода, как можно было бы предположить². Исследователь отмечает, что армянский перевод точнее сирийского, который вообще отличается вольностью и стремлением к нарочитой христианизации «Изречений». Необходимо отметить еще существование грузинского и эфиопского переводов, а также найденных в Наг-Хаммади фрагментов коптского перевода.

Из изданий «Изречений Секста», выполненных в XIX—XX вв., прежде всего должно быть отмечено издание сирийского текста 1858 г., осуществленное Л. де Лагардом³. Лишь спустя 15 лет, в 1873 году, выходит в свет латинский руфиновский текст в критическом издании И. Гильдемайстера⁴, после появления которого все предыдущие 28 изданий латинского текста (1502-1860 гг.) должны считаться устаревшими. В 1892 году Эльтер публи-

¹ *Assemani*. Bibliotheca Orientalis. III. 1725.

² *Hermann R.* Die armenische Überlieferung der Sextussentenzen // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1938. № 57.

³ *Lagarde P. de.* Analecta Syriaca. Leipzig, 1858.

⁴ *Gildemeister J.* Sexti Sententiarum Recensiones. Bonn, 1873.

кует уже параллельный греко-латинский текст¹, репринтное издание которого осуществил в 1937 году Ф. де Паоло в Милане². В 1907 г. в Венеции издается армянский перевод под редакцией Саркисяна. И наконец, в 1959 году в Кембридже выходит лучшее на сегодняшний день параллельное греко-латинское комментированное и снабженное прекрасными исследованиями издание Г. Чедвика, с которого и выполнен наш перевод³.

Завершая краткий обзор рукописей и изданий «Изречений Секста», нужно отметить, что разные рукописи дают нам «Изречения» в разном количестве и порядке. Патмосская рукопись в отношении порядка фрагментов сильно отличается от Ватиканской, а также латинского и сирийского переводов. Что касается количества, то перевод Руфина содержит 451 изречение — обе же греческие рукописи и сирийский перевод больше по объему: полный греческий текст содержит 610 афоризмов. Без сомнения, Руфин имел перед собой изначальный текст, который был расширен лишь впоследствии. Указанное мнение является общепринятым в современной науке, в соответствии с чем настоящий перевод включает только 451 изречение.

Первым христианским писателем, ссылающимся на «Изречения Секста», является Ориген. Два раза он прямо называет автора этого творения Секстом, но не сообщает никаких сведений относительно его личности (Против Цельса. VIII.30; Comm. in Matth. XV.3). Имеется еще два случая, когда Ориген цитирует «Изречения», не указывая имени автора (Hom. in Ezech. I. 11; Предисловие к толкованию на I Псалом, сохранившееся у св. Епифания Кипрского, см.: Панарий. LXIV.7.3). В первом из них Ориген называет автора приводимого изречения «мудрым и верным мужем», которого часто цитирует. Руфин в предисловии к своему переводу «Изречений»

¹ *Elter A. Gnomica. Leipzig, 1892. Bd. 1.*

² *Paolo F. de. Le Sentenze di Sesto. Milan, 1937.*

³ *Chadwick H. The Sentences of Sextus. A Contribution to the History of Early Christian Ethics. Cambridge, 1959.*

на латинский язык называет автором сочинения папу Сикста II. С этим не соглашался блаженный Иероним, который еще в книге «Против Иовиниана» приводил один из афоризмов в своем независимом от руфиновского переводе, именуя автора просто Ксистом; позднее, после смерти Руфина, в Толковании на пророка Иезекииля, Иероним уже прямо выступил против своего некогда друга, а впоследствии противника, обвиняя его в злонамеренном приписывании языческого сочинения папемученику и назвал автором Ксиста-пифагорейца (*Adv. Iovin. I.49; Comm. in Ezech. VI.18*). Во втором случае Иероним сознательно уклоняется от цитирования уже известного ему руфиновского перевода и для одного из «Изречений» предлагает свой. Спор об авторстве на латинском Западе не утихал и позднее. Блаженный Августин, сначала считавший афоризмы творением названного папы Сикста II, затем под влиянием чтения блаженного Иеронима изменил свою точку зрения в пользу иеронимовской (*Retractationes. II.68*). В написанных в VI веке приложениях к декрету папы Геласия I о книгах принимаемых и отвергаемых высказывается мнение о еретическом происхождении памятника². Исидор Севильский, по-видимому, не знавший о точке зрения блаженного Иеронима и об изменении позиции блаженного Августина, склонялся к тому мнению, что творение папы Сикста (Ксиста) II содержит еретические интерполяции (*Isidorus. De viris illustribus. I; Migne J.—P. PL. LXXXIII. Col. 1084*).

Почти все манускрипты «Изречений» приписывают авторство римскому епископу Сиксту. Но две латинские рукописи и лионское издание 1507 года имеют заглавие с вышеупомянутой цитатой из Толкований на пророка Иезекииля блаженного Иеронима. На одной из латинских рукописей XV века в следующем, XVI

¹ Ibid. P. 9.

² Ibid. P. 122; *Romanorum pontificum epistolae. I.464 / ed. by Thiel, s. I., s. a.; Das Decretum Gelasianum // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur / hrsg. von Gebhardt O. von, Harnack A. Leipzig, 1912. Bd. 38. Heft 4. Последние два издания переводчику не были доступны.*

столетии надписано, что памятник принадлежит философу Сексту и ошибочно приписан Руфином папе святому Сиксту. Во всяком случае, нужно принимать во внимание, что понтификат папы Сикста II приходится на 257–258 гг., то есть на время, когда Ориген уже скончался, а, по словам последнего, цитируемые им изречения читались «многими» (Против Цельса. VIII.30; *Comm. in Matth.* XV.3), и значит, должно было пройти определенное время с момента их появления. Известен еще один Секст, который мог бы быть автором «Изречений». О нем упоминают Евсевий (Церковная История. V.27) и блаженный Иероним (*De vir. illustr.* L). Оба писателя считают его автором трактата «О воскресении». Иероним относит его создание к годам правления императора Септимия Севера (193–211), а Евсевий отмечает невозможность датировки этого творения.

Как бы то ни было, наш памятник получил церковное признание практически во всем христианском мире. Его читали, как пишет Чедвик, «от Британии до Месопотамии»¹. Помимо упомянутых церковных писателей, на «Изречения» ссылается святитель Василий Великий и Евагрий Понтийский, ересиарх-британец Пеллагий и преподобный Венедикт Нурсийский. В схолиях на «Ареопагитики», приписываемых преподобному Максиму Исповеднику, также есть ссылка на «Изречения», причем в качестве автора назван «Секст — церковный философ».

Какова же «философия» Секста? Прежде всего необходимо отметить ее глубокую связь с античной мыслью. Как афористическая форма, так и нравственно-аскетическое содержание «Изречений» имеют своим источником эллинское любомудрие, начиная от «семи мудрецов» и кончая поздними стоиками. Более того, в основу «Изречений Секста» положены конкретные сборники пифагорейских максим. Первый сборник надписан именем Клитарха и сохранился в четырех рукописях XIII–XV вв. Второй, анонимный, надписан как «Изречения пифагорейцев» и дошел до нас в двух греческих рукописях X и XV вв. Сохранился он и в сирийском переводе в манускрипте VI века. Эта

¹ *Chadwick H. Op. cit. P. IX.*

рукопись, как и греческая X века, уже упоминались нами — обе содержат и сами «Изречения Секста». Кроме названных пифагорейских памятников, должно быть еще упомянуто письмо знаменитого неоплатоника Порфирия своей жене Маркелле, написанное в первые годы IV века. Это послание содержит большое число афоризмов, многие из которых почти дословно совпадают с «Изречениями Секста». Мы не входим в исследование вопроса о том, откуда почерпнул материал Порфирий. Для нас важно то, что мысль Секста во многом следует мысли античной. С другой стороны, содержание «Изречений» не исчерпывается только следованием эллинской мудрости. Это не так: есть все основания говорить о христианизации античного наследия в нашем памятнике. Не говоря о том, что образцом для его автора во многом могли быть учительные книги Ветхого Завета, нужно обязательно подчеркнуть, что в «Изречениях» немало явных и скрытых ссылок на Новый Завет. Это соединение библейского и античного начал сближает «Изречения» с писаниями Климента Александрийского. Достаточно открыть в любом месте «Строматы», чтобы убедиться в этом родстве.

Основные идеи Секста изложены А. И. Сидоровым в «Курсе патрологии»¹, и нет необходимости повторять их с подобной обстоятельностью. Мы ограничимся лишь краткими замечаниями. По словам А. И. Сидорова, одна существенная черта мирозерцания автора «Изречений» «сразу же бросается в глаза: оно как бы разворачивается в диапазоне между двумя полюсами, одним из которых является Бог, а другим — человек, причем сквозным лейтмотивом всего произведения служит тема уподобления человека Богу»². Секст подчеркивает, с одной стороны, трансцендентность Бога, выражением которой является Его неименуемость, а с другой — Его обращенность к миру, к человеку и абсолютное всемогущество Его Промысла, не оставляющего места ни для какого рока. Бог все видит и

¹ Сидоров А. И. Курс патрологии. М., 1996. С. 293–306.

² Там же. С. 296.

льшит. Он много дает человеку и многого от него ожидает, являясь не только благодетелем, но и судьей. В свою очередь, человек занимает совершенно особое место во всем мироздании. Он — второй после Бога, выше по достоинству, чем ангелы, ему дана Богом власть и свобода. Но человек находится под началом Бога и должен всегда об этом помнить. В составе человека различаются тело и душа. Душа, безусловно, иерархически выше тела, но тело отнюдь не есть нечто достойное презрения. Оно — оттиск души и играет промыслительную роль в жизни человека: через него испытывается Богом человеческая душа. Важным является также выделение в человеке мыслящего начала — оно и должно считаться, по мысли автора «Изречений», человеком в собственном смысле слова.

Цель человека, как говорилось выше, — достичь, насколько это возможно, богоподобия. Здесь нужно отметить, что Секст никогда не упоминает о Христе, о Церкви, о таинствах. Казалось бы, его учение об уподоблении Богу целиком остается в платонико-пифагорейских рамках. И вместе с тем, несмотря на некоторую «абстрактность» секстовского богоподобия, можно с уверенностью сказать, что описание пути к нему, предложенное в «Изречениях», — христианское. Прежде всего, потому, что в центре внимания автора как основная добродетель, возводящая к Богу, находится вера. Человек, живущий богоугодно, не просто «мудрый муж» (σοφὸς ἀνὴρ). Он — «верующий», или «верный муж» (πιστὸς ἀνὴρ). С описания того, кто есть верующий человек и каким он должен быть, и начинается наш памятник. В дальнейшем Секст неоднократно подчеркивает, что без веры нельзя жить достойно, что жизнь неверующих — позор, что вера возводит душу к Богу. Руководимый верой человек идет по пути нравственного и аскетического совершенствования. Основание благочестия — воздержание. Суетное и бесполезное многознание, многоглаголанье, человекоугодие, сластолюбие, чревоугодие, раздражительность — всякая неумеренность и невоздержанность должны быть побеждены и отложены «мудрым и верным мужем».

Хотелось бы особо выделить отношение Секста к двум проблемам: речам о Боге, а также к супружеству и девству. Что касается первого, то здесь автор «Изречений» подчеркивает огромную ответственность берущегося говорить Боге. Сам он должен постоянно помнить, что будет судим Богом — души же слушающих должен считать своими заложницами. О Боге нельзя говорить когда угодно и кому попало. А главное — чтобы высказываться о Нем, надо быть наученным Им Самим. То есть говорить о Боге небезопасно. Небезопасно и вступать в брак. Решаться на такой шаг можно, только набравшись большого мужества: такого, словно идешь на войну. Секст прямо не говорит о цели брака, но указывает, что он не должен заключаться ради наслаждения. Верующие муж и жена должны состязаться в воздержании, целомудренная жена является славой мужа, а необузданный муж — совратитель собственной жены. В целом безбрачная жизнь выше жизни в браке: отказ от него дает человеку возможность жить «как другу Божию». Предпочтение девства супружеской жизни при признании возможности и законности последней «органично вписывается в общий контекст святоотеческого нравственного богословия»¹.

Верующий человек должен быть очень внимателен к окружающим. Обида, нанесенная человеку, есть также оскорбление Бога. Надо не только не делать людям зла — следует творить добро по отношению к ним. Мудрец должен быть благодетелем людей, равно близким для всех. Важно отметить, что Секст постоянно подчеркивает необходимость сознательности любых действий. Человек должен знать цель своей жизни, постоянно отдавать себе отчет в том, что является верующим, — должен познавать самого себя. Но высшим знанием является боговедение. Именно оно делает человека богоподобным и любезным Богу. Ведение Бога и уподобление Ему являются величайшей честью, воздаваемой Богу — ведения и подобия достаточно, чтобы сделать человека счастливым. Мудрый муж, достигший такого совершен-

¹ Там же. С. 303–304.

ства, должен почитаться как живой образ Божий, как бог в человеческом теле.

Впрочем, стройной «лестницы» восхождения автор «Изречений» не дает. Афоризмы расположены зачастую бессвязно. Но можно проследить, как Секст объединяет высказывания в тематические группы. Примером могут служить следующие фрагменты «Изречений»: 1–8 – кто есть верующий человек; 151–157 – опасность многословия и пустословия; 230–240 – жизнь в браке; 350–362 – речи о Боге. При внимательном чтении памятника мы можем убедиться в том, что основные добродетели – вера и знание, или ведение, – являются как целью, так и исходным пунктом восхождения и даже своего рода его инструментом. Достигший богоподобия человек уже обладает высшей верой и высшим знанием.

«Верный муж» Секста является, так сказать, родным братом «истинного гностика» Климента Александрийского. Ведь главное достояние последнего – именно вера-ведение, и ее он тоже достигает путем аскетического совершенствования.

«Изречения Секста» оказываются весьма близки и к памятникам древнехристианской апологетики. Мы видим и здесь и там некую благочестивую «маскировку» христианства, использование в миссионерских целях привычных для язычников форм мышления, идей и понятий. Поэтому «Изречения Секста» являются органичной частью древнехристианской письменности. Остается надеяться, что, будучи памятником весьма приятным для чтения, они хотя бы в какой-то мере вернут себе былую популярность в среде православных христиан.

Библиография

- Сидоров А. И.* Курс патрологии. М., 1996.
Chadwick H. The Sentences of Sextus. A Contribution to the History of Early Christian Ethics. Cambridge, 1959.
Conybeare F.C. The Ring of Pope Xystus. London, 1910.
Elter A. Gnomica. Leipzig, 1892. Bd. 1.
Gildemeister J. Sexti Sententiarum Recensiones. Bonn, 1873.

Gildemeister J. Pythagorassprüche in syrischer Überlieferung // *Hermes*. 1870. № 4.

Gwynn J. Xystus // *Dictionary of Christian Biography*. 1887. T. 4.

Harnack A. von. Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Leipzig, 1893. Bd. 1; 1904. Bd. 2.

Hermann R. Die armenische Überlieferung der Sextussentenzen // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1938. № 57.

Kroll J. Die Sprüche des Sextos // *Hennecke E.* Neutestamentliche Apokryphen. Tübingen, 1924. Немецкий перевод: 1–451.

Kroll W. Sextus // *Pauly-Wissowa*, Realencyclopädie. 1923. Bd. 2a.

Lagarde P. de. Analecta Syriaca. Leipzig, 1858.

Murphy F. X. Rufinus of Aquileia: his Life and Works // *Catholic University of America Studies in Medieval History*. Washington, 1945. New Series VI.

Ott M. Charakter und Ursprung der Sprüchen des philosophen Sextius // *Gymnasium-Programm*. Rottweil, 1861–1863.

Paolo F. de. Le Sentenze di Sesto. Milan, 1937. Итальянский перевод.

Paolo F. de. Osservazioni alle Sentenze di Sesto. Roma, 1938.

Ryssel V. Die syrische Übersetzung der Sextussentenzen // *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*. 1895. № 38; 1896. № 39; 1897. № 40.

Tobler J. R. Annulus Rufini. I: Sententiae Sextiae. Tübingen, 1878.

Wendland P. <Рецензии> // *Theologische Litteraturzeitung*. 1893; *Berliner philologische Wochenschrift*. 1893. Рец. на кн.: *Elter A.* Gnomica. Bd. 1.

Wisse F. Die Sextus-Sprüche und das Problem der gnostischen Ethik // *Zum Hellenismus in den Schriften von Nag Hammadi*. Wiesbaden, 1975.